

СОВЕТСКИЕ ОРГАНЫ ВОЕННОЙ КОНТРАЗВЕДКИ О ВЕСЕННИХ БОЯХ 1942 ГОДА НА КАРЕЛЬСКОМ ФРОНТЕ

Статья посвящена двум боевым операциям периода Великой Отечественной войны, проведенным Красной армией весной 1942 года в Карелии и Заполярье и ставшим тяжелейшим испытанием для командиров и бойцов частей и соединений 14-й и 26-й армий, – Мурманской и Кестенъгской наступательным операциям. События рассматриваются с точки зрения советских органов военной контрразведки, одной из обязанностей которых было информирование военных советов и красноармейского командования обо всех недочетах, выявленных в войсках. Военные контрразведчики, находившиеся при штабах, командных пунктах, а также в рядах красноармейцев на полях сражений, докладывали о просчетах при планировании боевых операций, неэффективностивойсковой разведки, недостатках в действиях родов войск и работе штабов, потерях личного состава. Также в донесениях говорилось о нехватке вооружения, плохой экипировке, недопустимом бытовом обеспечении личного состава в условиях природно-климатических особенностей местности, аморальных поступках, отсутствии должного ремонта техники и др. Статья основана на рассекреченных и впервые вводимых в научный оборот документах Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Мурманская наступательная операция, Кестенъгская наступательная операция, особые отделы НКВД СССР, 14-я армия, 26-я армия

С первых дней Великой Отечественной войны проверялась способность военных контрразведчиков противостоять мощному напору спецслужб противника, борясь с их шпионской и диверсионно-террористической деятельностью, обеспечивать в разведывательном и контрразведывательном отношении проведение крупных оборонительных и наступательных операций Красной армии, действовать за линией фронта. В связи с условиями военного времени проведение контрразведывательных мероприятий в действующих частях и соединениях имело ряд особенностей. Во-первых, произошла передислокация войск в связи с началом активных боевых действий, во-вторых, спецслужбы противника заметно усилили свою деятельность как в отношении Советского государства в целом, так и против его Вооруженных сил.

Организовывая работу по охране государственной безопасности и боеспособности Красной армии, армейские контрразведчики успешно решали поставленные перед ними задачи, в том числе регулярно информировали военные советы и командование соответствующих частей и соединений обо всех недочетах, выявленных в войсках. Такую обязанность возложил на особые отделы Государственный комитет обороны. Военные контрразведчики, которые постоянно находились при штабах, командных пунктах и в расположении действующих частей и соединений, докладывали своим руководителям, а те – армейскому руководству и в военные советы о работе штабов, неудачах в проведении боевых операций, потерях личного состава.

Тематика таких документов многообразна. Прежде всего, это данные о ходе боевых действий, состоянии боеготовности частей и соединений Красной армии и выполнении ими поставленных задач, настроении личного состава. Значительное место в сообщениях отводилось имевшимся недостаткам, таким как неэффективность войсковой разведки, плохая координация родов войск, неслаженность в работе штабов. Кроме этого, в поле зрения особистов попадали плохая экипировка и недопустимое бытовое обеспечение личного состава, вшивость и инфекционные заболевания, случаи пьянок и аморальные поступки, отсутствие должного ремонта техники и др. Изучение этих документов дает возможность получить максимально достоверную картину происходивших событий.

Оперативная контрразведывательная информация сосредотачивалась по всем фронтам [6: 20]. Не исключением был и Карельский фронт, который в годы Великой Отечественной войны действовал дольше остальных фронтов – три с половиной года, был самым протяженным – около полутора тысяч километров, и имел ряд особенностей, связанных с природно-климатическими условиями Карелии и Заполярья.

Еще до вторжения финских войск на территорию СССР органы военной контрразведки Северного фронта начали направлять в Центр донесения о ситуации в Красной армии [2: 581–648]. В первые дни войны войсковые чекисты не только отмечали проявленный в боях героизм бойцов и командиров Красной армии, но и фиксировали такие недочеты, как значительный

некомплект личного состава, материальной части, боеприпасов, отсутствие четкого взаимодействия частей и соединений, случаи утери секретных документов.

С начала июля 1941 года противник начал в Карелии и Заполярье наступление на всех доступных направлениях. Красная армия вела тяжелые оборонительные бои, боевые действия носили ожесточенный характер. В течение июля – августа 1941 года финская армия в ходе ряда операций заняла все территории, отошедшие к СССР по итогам Зимней войны. В начале сентября 1941 года финны начали оккупацию восточной Карелии, а в октябре 1941 года советскими войсками был оставлен Петрозаводск. К концу 1941 года стороны перешли к обороне на достигнутых рубежах, и обстановка на линии советско-финского фронта стабилизировалась. Однако противник не отказывался от своих намерений захватить Мурманск и основную базу Северного флота Полярный, перерезать Кировскую железную дорогу, захватить богатые полезными ископаемыми северные территории нашей страны. Имея информацию о планах немецко-финских войск и решая нанести по их позициям упреждающий удар, советское командование весной 1942 года поставило перед Карельским фронтом задачу провести две наступательные операции на Мурманском направлении и в районе Кестеньги с целью закрепиться на новых рубежах и тем самым усилить оборону Мурманского порта и Кировской железной дороги. Обе операции планировалось провести одновременно, что по замыслу Ставки Верховного Главнокомандующего должно было осложнить маневр войскам противника.

Обо всех планах военного командования Красной армии информировались органы военной контрразведки. Именно на эти данные, получаемые из штабов армейских соединений, войковые чекисты опирались в первую очередь, делая выводы о результативности боевых действий.

На рубеж реки Софьянга

21 апреля 1942 года Военным советом 26-й армии войскам был дан приказ начать наступление на Кестеньгскую группировку противника, овладеть его оборонительной полосой на участке Елетьозеро – Лох-губа и выйти на рубеж реки Софьянга. К моменту начала операции силы противника на данном участке составляли две дивизии: немецкая «Норд-СС» и сводная финская. Против них были введены в действие основные соединения 26-й армии: три дивизии (без одного стрелкового полка), которые согласно боевому приказу должны были нанести главный удар в направлении озера Нижнее Черное, шоссе Лоухи – Кестеньга, охватывая левый фланг противника, и вспомогательный силами 67-й отдельной мотострелковой бригады в направлении Лоухи – Ваара.

26 апреля 1942 года Особый отдел НКВД 26-й армии сообщал в Особый отдел НКВД Карельского фронта, что войска армии не могут прорвать передний край обороны противника и несут большие потери. В донесении говорилось: «В ходе боевых наступательных операций за истекшие два дня выявлено ряд существенных недочетов, влияющих на выполнение поставленной боевой задачи, особенно на участке шоссе Лоухи – Кестеньга. К числу таких недочетов относятся: а) слабость работывойской и инженерной разведки переднего края обороны противника, б) отсутствие интенсивного артиллерийского огня вследствие лимитирования артвыстрелов, в) отсутствие массированных ударов авиации по обороне противника, как это было предусмотрено планом, г) неумелое сочетание наступательных действий танковой атаки при поддержке пехоты»¹.

Артиллерия, отставшая из-за бездорожья от наступавших подразделений, практически не оказывала им помощь в преодолении сопротивления противника. Например, за 24 апреля из предусмотренных 435 76-мм снарядов было использовано 84, из 334 снарядов 122-мм гаубиц – 180, из 1846 мин 70-мм, 82-мм и 220-мм орудий – всего 212. И только 27 апреля отпускаемые лимиты артиллерией были израсходованы полностью². «Произведенной артподготовкой не было серьезных разрушений огневых точек и оборонительных сооружений противника, а также не было поддержки в достаточной мере артогнем. Наступательные действия пехоты, которая, преодолев незначительные противопехотные препятствия и сопротивление мелких групп противника, была встречена интенсивным огнем из всех видов оружия из ДЗОТов противника и вынуждена была залечь, а в некоторых местах откатиться обратно, понеся при этом значительные потери убитыми и ранеными»³.

Батальоны 63-го стрелкового полка 23-й стрелковой дивизии выдвинулись на открытое болотистое место и были встречены вражеским минометным огнем. Роты залегли в болоте, среди личного состава произошло замешательство, поднялся крик, шум. Некоторые командиры растерялись и не могли вывести подразделения из зоны огня. Части дивизии оставались на болоте вплоть до 30 апреля и несли тяжелые потери.

По данным военных контрразведчиков, 25 и 26 апреля советское командование ввело в бой небольшие группы танков, которые уже в начале сражения оказались отрезанными огнем противника от пехоты. Идущие за танками бойцы несли невосполнимые потери. Так, из 8-й роты 997-го стрелкового полка уже в первые минуты наступления в живых осталось всего 6 человек. Большинство танков, оказавшихся без прикрытия пехоты, быстро вышли из строя.

374-й отдельный танковый батальон вступил в бой 25 апреля, едва успев выгрузиться

с поезда. Командование батальона не имело представлений о предстоящей операции, местность не изучалась. Батальон сформировался прямо перед отправкой на фронт, не прошел ни одного полевого занятия, поэтому взаимодействие в бою с пехотой, связь и другие особенности боя не отрабатывались. В тот же день на поле боя вышли 3 танка КВ и 3 танка Т-34, получившие задачу дойти до переднего края обороны и подавить огневые точки противника. Одна из машин наскоцила на противотанковый надолб и была подожжена противником, остальные выполнили поставленные задачи не смогли и вынуждены были отступить на исходные позиции. 26 апреля из четырех танков КВ и четырех танков Т-34 три были остановлены противником уже в первые часы боя, а остальные, сумевшие подойти к вражеским ДЗОТам, подорвались на противотанковых минах. Командование батальоном распорядилось на следующий день эвакуировать с поля боя один из подбитых танков, однако бойцы приступили к выполнению задачи не в 2 часа ночи, как было приказано, а 4 часа утра, когда начало светать. Неприятель быстро обнаружил подходивших к танку красноармейцев и начал их обстреливать. Эвакуировать танк не удалось.

Информируя Военный совет Карельского фронта о сложившейся на 1 мая ситуации в войсках 26-й армии, начальник Особого отдела армии Б. С. Керзон обращал внимание на неподготовленность частей и соединений к наступлению: «Ясности о силах противника, о его системе огня наступающие подразделения не имели. Отсутствовало взаимодействие между родами войск: во время атаки переднего края обороны наша авиация не поддерживала наступающую пехоту. У артиллеристов плохо была поставлена служба наблюдательных пунктов <...> части 23-й гвардейской стрелковой дивизии продолжали выполнять боевой приказ. Но этот приказ до настоящего времени остается невыполненным»⁴. Уже после войны командующий Карельским фронтом генерал В. А. Фролов вспоминал: «23-ю дивизию нечем было поддержать. Опять все решали резервы, нужна была хотя бы одна дивизия, но ее неоткуда было снять. Поэтому бои на этом направлении постепенно затихли» [4].

Информируя командование Красной армии о моральном состоянии личного состава, что также входило в обязанности контрразведчиков, им приходилось докладывать и о дезертирстве, неоправданных отлучках бойцов с поля боя, распространении провокационных слухов, фактах членовредительства, случаях пьянства. Так, по донесениям контрразведчиков, командир 63-го гвардейского стрелкового полка во время боевых действий находился в сильном алкогольном опьянении, через каждые 5 минут звонил командирам батальонов только для того, чтобы нанести оскорблений и угрожать расстрелом.

Начальник штаба 8-й отдельной лыжной бригады, получив 25 апреля приказ из штаба дивизии о дальнейшем продвижении, не доложил об этом командиру бригады, а лег спать. В итоге бойцы вступили в бой с большим опозданием и поставленных задач не выполнили. Командир отделения роты 997-го стрелкового полка застрелил красноармейца за то, что тот, по его мнению, взял лишнюю порцию сухарей. Вот выдержка из донесения Особого отдела армии за первые дни боев: «В 1-м батальоне 993-го стрелкового полка имел место такой случай: после приказа о наступлении командир 1-го батальона подсчитал в ротах людей, оказалось в 1-й роте 14 человек, в остальных не более. Бойцы разбрелись по лесу, тогда как на обед приходили до 80 человек на каждую роту»⁵. Все это, наряду с вольной трактовкой приказов или вообще их невыполнением, дополняло общую картину положения в войсках.

Особый отдел 26-й армии дал распоряжение военным контрразведчикам взять на себя поддержания морального духа бойцов – вести их в бой и на месте исправлять ошибки некоторых проявивших растерянность командиров и политруков. Большинство оперативных работников лично участвовали в боях, некоторые выбыли из строя уже в первые дни наступления. Среди них оперуполномоченные особых отделов 23-й и 263-й стрелковых дивизий, 67-го отдельного мотострелкового батальона, 199-го батальона 8-й отдельной лыжной бригады, 3-го батальона 63-го стрелкового полка 23-й стрелковой дивизии.

29 апреля, поднимая в атаку бойцов 993-го стрелкового полка 263-й стрелковой дивизии, был тяжело ранен оперуполномоченный Особого отдела полка А. В. Кузнецов. На его место прибыли двое сотрудников органов военной контрразведки армии, одному из которых – А. А. Бараникову – было поручено с отрядом красноармейцев организовать поимку в лесной местности дезертиров и вернуть их в расположение действующих частей. Выполнив задание, он повел солдат в атаку, но был ранен и на следующий день, не приходя в сознание, умер в госпитале.

В первых числах мая получили тяжелые ранения и выбыли из строя старший оперуполномоченный Особого отдела НКВД 80-й морской стрелковой бригады П. С. Майданов и уполномоченный Особого отдела НКВД 186-й стрелковой дивизии Л. Н. Тюханов.

К 7 мая ситуация на фронте значительно ухудшилась. Начальник Особого отдела НКВД 80-й морской стрелковой бригады сообщал: «Бригада находится в исключительно тяжелом положении; выполняя приказ командования 26-й армии (заход в тыл к противнику), бригада потеряла почти 90 % среднего комсостава и 70 % личного состава. Если свести стрелковые подразделения вместе, то у нас осталось не более батальона»⁶. 6 мая две роты 3-го батальона бригады были

полностью уничтожены противником, в 8-й роте в живых осталось всего 9 человек.

Приказом Штаба 26-й армии от 7 мая 1942 года войскам была поставлена задача временно перейти к обороне, закрепиться на достигнутых рубежах, произвести перегруппировку сил для дальнейшего наступления, вести непрерывную разведку, готовиться к отражению танковой атаки с Кестеньги на Окуневу-губу.

В особо тяжелых условиях оказалась в эти дни 8-я отдельная лыжная бригада, еще только сформированная к началу боев, но уже получившая сложное задание овладеть шоссе Лоухи – Кестеньга. Встретив противника, бойцы не смогли противостоять его удару и вынуждены были отступить, оказавшись в итоге в окружении вместе с 238-м стрелковым полком 186-й стрелковой дивизии. Доставка боеприпасов и продовольствия прекратилась, связь с основными частями армии прервалась. Командир бригады полковник Дуболь организовал красноармейцев для выхода из окружения. Сумев пробиться к своим, бойцы бригады и полка потеряли 243 человека убитыми, из них 8 командиров рот и 7 политруков. Погиб и командир 8-й отдельной лыжной бригады полковник Дуболь.

С 10 мая активные наступательные действия войск Кестеньгского направления были прекращены. Обороняя занимаемые рубежи, части производили инженерные работы и вели разведку перед фронтом и на флангах. В связи с переходом к обороне войска получили ряд приказов о перегруппировке, но иногда эти приказы вносили путаницу и неразбериху в расстановке частей. Так, 68-й гвардейский стрелковый полк 23-й гвардейской стрелковой дивизии оказался подчиненным командиру 186-й стрелковой дивизии, и наоборот, 298-й стрелковый полк 186-й стрелковой дивизии попал в подчинение командира 23-й гвардейского стрелкового полка. Частые переходы и перегруппировки, особенно если учесть непростой характер местности, зачастую излишне изматывали личный состав. Бойцы говорили друг другу: «Командование дивизии, видимо, растерялось, отдает приказы и сразу их отменяет. Ничего не поймешь, что делается – или мы наступаем, или отступаем»⁷.

15 мая из Особого отдела НКВД 186-й стрелковой дивизии поступили данные о том, что противник, найдя брешь в обороне дивизии, в 3 часа 50 минут открыл сильный артиллерийский огонь, продолжавшийся три часа. Военные контрразведчики докладывали: «Значительное количество снарядов, выпущенных противником, легло на передний край обороны, занимаемый 3-й ротой 290-го стрелкового полка. Одновременно противник пустил в действие бомбардировочную авиацию и 5 средних танков. В результате была прорвана линия нашей обороны»⁸. Следует заметить, что 290-й стрелковый полк, занимая

линию обороны протяженностью 7 км, имел только 300 бойцов личного состава.

Тревожные сообщения приходили и из Особого отдела 263-й стрелковой дивизии. В каждой роте не хватало по 40–50 человек личного состава, отсутствовали патрулирование и посты боевого охранения, на 1,5–2 км линии обороны дивизии имелось всего по 2 ручных пулемета.

В середине мая состоялось заседание Военного совета 26-й армии, на котором присутствовал начальник Особого отдела армии Б. С. Керзон. О принятом на заседании решении он информировал начальника Особого отдела Карельского фронта И. С. Павлова: «В результате того, что противник, произведя перегруппировку своих сил и развивая контраступление против северной группировки войск нашей армии на Кестеньгском направлении, отеснил наши части к востоку от дороги Окунева-Губа – Кестеньга и вследствие отсутствия артыстрелов и малочисленности в людском составе наших частей и соединений, Военный совет решил с 20 мая 1942 года занять прочную оборону на новых рубежах и привести в порядок части для последующих наступательных действий»⁹.

Для установления причин срыва наступления и больших потерь личного состава и материальной части Военным Советом 26-й армии была создана комиссия, в которую вошел и представитель органов военной контрразведки. Начальник Особого отдела НКВД 26-й армии Б. С. Керзон, докладывая о результатах работы этой комиссии, сообщил, что вся информация о негативных проявлениях в войсках, ранее направленная контрразведчиками в Военный Совет и командованию армии, подтвердилась.

Выйти к государственной границе с Норвегией

Не менее драматично складывалась в эти дни ситуация на Мурманском направлении, где перед войсками 14-й армии была поставлена задача вернуть захваченную противником территорию СССР. По данным военных контрразведчиков, Военный совет армии приказал окружить и уничтожить на реке Западная Лица 6-ю горно-егерскую дивизию немцев, затем, нанося удар в тыл вражеских войск, разбить обороняющегося противника на перешейке Средний и выйти к государственной границе с Норвегией. Планировалось, что основной удар по позициям неприятеля нанесет 12-я бригада морской пехоты Северного флота после высадки десанта в районе маяка Пикшуев в обход левого фланга противника и 10-я гвардейская стрелковая дивизия, двигаясь совместно с 6-й отдельной лыжной бригадой в обход правого фланга противника. Ставка Верховного Главнокомандующего, придавая серьезное значение предстоящей операции, направила в распоряжение 14-й армии дополнительную технику

и снабдила продовольствием, фуражом и обмундированием. До начала операции на Мурманское направление прибыли 41-й гвардейский минометный полк, 645-й артиллерийский полк, два минометных батальона, было доставлено и роздано бойцам 2600 автоматов ППШ.

Соотношение сил на 18 апреля 1942 года выглядело так: 31 стрелковый батальон и 11 артдивизионов 14-й армии против 19 стрелковых батальонов и 10 артдивизионов противника. По данным командования Красной армии, 14-я армия превосходила противника по количеству всех видов вооружения, за исключением 45-мм и 37-мм орудий, автоматов и танков¹⁰.

Докладывая в Особый отдел Карельского фронта о подготовке к операции, начальник Особого отдела НКВД 14-й армии Н. Н. Ключев отмечал: «Еще осенью противник, отойдя за Западную Лицу, в своей глубине построил сильную укрепленную полосу, выставив за несколько километров вперед боевые охранения и небольшие группы автоматчиков <...> Так продолжалось в течение всей зимы, и никто из командиров штабов дивизий, а также штаба армии не предпринимал мер к установлению истинного положения <...> До начала этой операции сведения о противнике были самые скучные. Командир полка знал только, что впереди видны ДЗОТы, проволочные заграждения, а расположение огневых точек было неизвестно, так как до этого небольшие разведки в этот район не посыпались»¹¹.

Несмотря на явные просчеты в подготовке, операция все же началась. 28 апреля 1942 года в 2 часа утра 12-я бригада морской пехоты высадилась на южном берегу Мотовского залива одновременно в четырех пунктах под прикрытием авиации и кораблей Северного флота. Бригаде предстояло совершить 30-километровый марш вглубь побережья и, ударив в тыл 143-му горнострелковому полку, соединиться с прорвавшимися фронт на Западной Лице частями 14-й армии, завершить окружение противника и уничтожить его. Зная, что наступать придется в гористой местности, при отсутствии дорог и возможности использовать колесный транспорт, штаб бригады принял решение все необходимое для боя переносить на плечах. По расчетам, на каждого бойца приходилось до 25 кг груза, но в действительности нагрузка была превышена: пришлось взять сверх запланированного еще продуктов на пять суток и половину боекомплекта. И с такой ношей морские пехотинцы штурмовали сопки, брали опорные пункты, проявляли нечеловеческую силу и выносливость, пробиваясь навстречу частям 14-й армии [3: 38–42].

Через 2 часа части армии перешли в наступление по всему фронту. В течение первого дня боев, как отмечал в своих донесениях Особый отдел армии, 12-я бригада успешно продвинулась вперед на 5–7 км. 10-я гвардейская стрел-

ковая дивизия смогла продвинуться на 2–3 км, 6-я лыжная бригада – на 4 км, 14-я стрелковая дивизия, попав под пулеметный и минометный огонь противника, – на 300–800 м. 95-й стрелковый полк и 72-я морская стрелковая бригада, ведя тяжелый бой, возможности продвинуться вперед не имели.

Последующие дни – 29 апреля и 1 мая – бои велись с небольшим успехом только на участке 12-й бригады морской пехоты, на всем остальном фронте ситуация складывалась для Красной армии неудачно. В 6-й лыжной бригаде было потеряно управление батальонами, в результате бригада не смогла ориентироваться на местности и отклонилась от заданного направления на 5–6 км, причем 7-й и 10-й батальоны попали в окружение и, не имея связи, были практически полностью разбиты. Командование 14-й армии ввело в бой резерв – 5-ю лыжную бригаду. В это время противник произвел перегруппировку, перебросив часть своих войск с центра на фланги. К вечеру 29 апреля стала заметна активность 2-й горно-егерской дивизии, которая, пользуясь замешательством советских войск, стала еще больше сдерживать их наступление и наращивать силы за счет подходящего резерва.

С продвижением вперед 10-й стрелковой дивизии и 6-й лыжной бригады увеличился путь подвоза к ним боеприпасов и продовольствия. Артиллерия из-за отсутствия дорог продвигаться не могла и по существу поддержку наступающим частям не оказывала. В сообщениях войсковых чекистов отмечалось: «Основной недочет операции первых дней заключается в том, что не было нанесено одновременного удара на всю глубину обороны противника. Артиллерия и базы авиации [противника] подавлены не были. А мосты на единственной дороге Западная Лица – Петсамо наша авиация, несмотря на приказ, не разрушила, дав этим самим возможность противнику бесперебойно подвозить боеприпасы и подтягивать резервы <...> Удары в лоб по неустановленному переднему краю обороны противника привели к большими потерям»¹².

Из сообщений Особого отдела 14-й армии за период со 2 по 5 мая видно, что наступление советских войск практически на всем участке фронта приостановилось: «Наш наступательный порыв стал выдохаться, а личный состав из-за трудных условий был переутомлен. На правом фланге противник, подтянув силы, перешел к контратакам, а группы автоматчиков начали просачиваться в тылы. Батальоны 12-й морской стрелковой бригады после упорных боев, теснимы превосходящими силами противника, отошли на более выгодные рубежи, 5-я и 6-я лыжные бригады без двух разбитых батальонов продолжали вести бои на прежних рубежах. 10-я стрелковая дивизия медленно продвигается вперед, обходя противника с левого фланга»¹³.

Военный совет Карельского фронта 5 мая 1942 года поставил задачу 14-й армии во взаимодействии с Северным флотом продолжать наступление, разгромить противника, отбросить его за государственную границу СССР на участке Волоковая губа – озеро Чапра и прочно закрепиться на достигнутых рубежах.

В это время на помощь частям и соединениям 14-й армии, пытавшимся прорвать оборону противника у Западной Лицы, по решению командования из Мурманска перебрасывалась 152-я стрелковая дивизия. Бойцы шли к линии фронта пешим маршем, в летней форме одежды. 3 мая дивизия попала под проливной дождь, который резко перешел в снег, началась сильная пурга, продолжавшаяся трое суток. Температура упала ниже нулевой отметки, и промокшее обмундирование бойцов быстро обледенело. Снег был таким сильным, что палатки не выдерживали, и в минометном батальоне 37-й гвардейской стрелковой дивизии в результате одного из обвалов погибли 7 и получилиувечья еще 7 человек, среди которых были сотрудник Особого отдела 10-й стрелковой дивизии и корреспондент газеты «Часовой Севера»¹⁴. В истории 152-й стрелковой дивизии, хранящейся в Центральном архиве Министерства обороны, записано: «Личный состав, будучи в движении, еще кое-как согревался. Но когда движение прекратилось, измученные, промерзшие бойцы, обессиленные, без питания, без сна, падали, теряли сознание и замерзали. Истощение живых бойцов доходило до 80 %» [1: 432].

Из донесения Особого отдела 14-й армии в Особый отдел Карельского фронта: «Разрабатывая план развития операции, штаб Карельского фронта не удосужился своевременно передислоцировать на Мурманское направление 152-ю стрелковую дивизию, которая, как известно, во время поспешной переброски попала в затруднительное положение <...> Будучи неосведомленным о подходе дивизии, командование армии вынуждено было наспех делать расчет на ввод ее в бой. Однако в приказе Военного Совета Карельского фронта № 0316/оп от 6.05.1942 г. запрещалось вводить в бой с хода 152-ю стрелковую дивизию и приказывалось сосредоточить 152-ю стрелковую дивизию и 10-ю гвардейскую стрелковую дивизию на левом берегу Западной Лицы фронтом не более 5 км»¹⁵. По данным армейских чекистов, дивизия еще на подходе к линии фронта потеряла замерзшими около 400 человек и около 3000 человек было госпитализировано.

12-я бригада морской пехоты еще какое-то время вела упорные бои на правом фланге. По сообщениям военных контрразведчиков бригады, бои носили «ожесточенный характер, переходя в штыковые и гранатные атаки. К 11 мая в батальонах бригады осталось по 100–150 человек. Командование армии и флота принимает решение эвакуировать остатки бригады на восточный берег губы Большая Западная Лица, что и было сделано в течение 12–13 мая»¹⁶.

Приказом Военного совета Карельского фронта от 11 мая 1942 года со ссылкой на директиву Генерального штаба РККА ввиду неблагоприятной погоды и отсутствия достаточного количества дорог наступление 14-й армии было прекращено, и войска приступили к обороне на занятых рубежах. В своем донесении начальнику Особого отдела НКВД Карельского фронта И. С. Павлову начальник Особого отдела НКВД 14-й армии Н. Н. Ключев писал, что войска «в основном выполнили лишь частичную задачу, ликвидировав укрепленный узел противника в районе озер кв. 9056 на левом фланге армии. Выполнить поставленную задачу, т. е. очистить оккупированную территорию до государственной границы, армия не могла»¹⁷. По данным органов военной контрразведки, в боях с 21 апреля (с момента начала разведки боем переднего края обороны противника) по 10 мая 1942 года погиб 4941 человек – без учета потерь 12-й бригады морской пехоты и всех без вести пропавших. Части ВВС армии потеряли за две недели 11 боевых самолетов¹⁸.

Апрельско-майские операции на Карельском фронте по своему характеру и условиям стали одним из тяжелейших испытаний для командиров и бойцов частей и соединений 14-й и 26-й армий. Несмотря на то что наступательные операции не имели ожидаемых результатов, они все же позволили сковать силы противника и сорвать готовящееся наступление на Мурманск. Войны, принимавшие участие в этих операциях, показали образцы героизма, стойкости и мужества, несмотря на тяжесть военного быта, катаклизмы природы и ошибки командного состава, еще не успевшего оправиться после волны репрессий конца 1930-х годов.

В информации Генерального штаба Красной армии о весенних боевых операциях 14-й и 26-й армий 1942 года, разосланной начальникам штабов фронтов и армий, было указано, что «обе армии не добились выполнения поставленных перед ними боевых задач и после незначительных местных успехов приостановили наступление и закрепляются на достигнутых рубежах. Основной причиной малого успеха <...> нужно считать неподготовленность» [5: 231].

Поставленные перед советскими войсками задачи в ходе Мурманской и Кестеньгской операций выполнены не были, несмотря на стойкость и беспрецедентное мужество, проявленные личным составом. В итоге стороны практически остались на прежних позициях, хотя действия Красной армии заметно ослабили силы противника, заставив его отказаться от наступления, запланированного на лето 1942 года. Карельский фронт до лета 1944 года находился в активной обороне и был расформирован 15 ноября 1944 года в связи с выходом Финляндии из войны. После этого войска фронта стали постепенно перебрасываться на Дальний Восток. Красная армия, а вместе с ней и советские контрразведчики готовились к войне с Японией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 89. Д. 17. Л. 1.
- ² Там же. Л. 9–10.
- ³ Там же. Л. 2.
- ⁴ Там же. Л. 10.
- ⁵ Там же. Л. 27.
- ⁶ Там же. Л. 21–22.
- ⁷ Там же. Л. 46.
- ⁸ Там же. Л. 46.
- ⁹ Там же. Л. 55.
- ¹⁰ Там же. Оп. 71. Д. 71. Л. 1–2.
- ¹¹ Там же. Л. 7.
- ¹² Там же. Л. 8.
- ¹³ Там же. Л. 4.
- ¹⁴ Там же. Д. 65. Л. 79.
- ¹⁵ Там же. Д. 71. Л. 4.
- ¹⁶ Там же. Л. 5.
- ¹⁷ Там же. Л. 13.
- ¹⁸ Там же. Л. 5–6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абатуров В. В., Морозов М. Э. Неизвестные трагедии Великой Отечественной. Сражения без побед. М.: Яуза: Эксмо, 2008. 448 с.
2. Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В. С. Христофоров. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. 756 с.
3. Кабанов С. И. Поле боя – берег. М.: Воениздат, 1977. 364 с.
4. Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Отв. ред. А. И. Бабин. М.: Наука, 1984. 360 с.
5. По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1995. 636 с.
6. «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М.: Издательство Главархива Москвы: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2003. 343 с.

Kuzyaeva S. A., m/u 1168 (Moscow, Russian Federation)

MILITARY INTELLIGENCE ON KARELIAN FRONT EVENTS IN SPRING OF 1942

The article is concerned with two World War II combat operations that the Red Army carried out on the territory of Karelian Republic and the Arctic Region in spring of 1942. These operations known as Murmansk and Kestenga offensives turned into a real challenge for commanders and fighter units of the 14th and 26th Armies. The events are considered from the Soviet military counter-intelligence perspective. One of the officers' duties was to inform their military council and the Red Army command about every problem revealed in the armed forces. Military counterintelligence officers located at the headquarters, command posts, and in the Red army ranks during various battlefields reported on miscalculations in combat operations plans, military intelligence ineffectiveness, personnel losses, ineffective actions of the troops and military staff failures. Their reports also informed about the lack of weaponry, poor gear, inadequate provision of personnel in severe climatic conditions, immoral actions of the personnel, the lack of proper equipment repair and etc. The article is based on declassified, for the first time, and introduced into the scientific circulation documents of the Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation.

Key words: the Great Patriotic War, Karelian Front, military counterintelligence, Murmansk offensive, Kestenga offensive, the NKVD special departments, Army 14, Army 26

REFERENCES

1. Abaturov V. V., Morozov M. E. *Neizvestnye tragedii Velikoy Otechestvennoy. Srazheniya bez pobed* [Unknown tragedies of the Great Patriotic war. Battles without victories]. Moscow, Yauza, Eksmo Publ., 2008. 448 p.
2. *Velikaya Otechestvennaya voyna. 1941 god: Issledovaniya, dokumenty, kommentarii* [The Great Patriotic war. 1941: Research, documents, comments] / Editor-in-chief V. S. Khristoforov. Moscow, Izd-vo Glavnogo arkhivnogo upravleniya goroda Moskvy Publ., 2011. 756 p.
3. Kabanov S. I. *Pole boya – bereg* [Battlefield is a shore]. Moscow, Voenizdat Publ., 1977. 364 p.
4. *Karel'skiy front v Velikoy Otechestvennoy voynye 1941–1945 gg.* [Karelian Front in the Great Patriotic war 1941–1945]. Editor-in-chief A. I. Babin. Moscow, Nauka Publ., 1984. 360 p.
5. *Po obe storony Karel'skogo fronta 1941–1944. Dokumenty i materialy* [Karelian Front on both sides in 1941–1944. Documents and materials]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1995. 636 p.
6. «Smersh»: *Istoricheskie ocherki i arkhivnye dokumenty* [“Smersh”: Historical essays and archival documents]. Moscow, Izd-vo Glavarkhiva Moskvy, OAO “Moskovskie uchebniki i Kartolitografiya” Publ., 2003. 343 p.

Поступила в редакцию 16.05.2016